

Olga A. Starovoitova
ORCID iD: 0000-0002-3645-8203

О.А. Старовойтова

**ON THE QUESTION OF A
LINGUISTIC PERSONALITY
ROLE IN THE FORMATION OF A
METALANGUAGE FOR
DESCRIBING INTERETHNIC
RELATIONS IN THE 19th
CENTURY RUSSIA (PART 1.
I.S. AKSAKOV)**

**К ВОПРОСУ О РОЛИ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В
СТАНОВЛЕНИИ МЕТАЯЗЫКА
ОПИСАНИЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ XIX
ВЕКА (ЧАСТЬ 1. И.С. АКСАКОВ)¹**

Аннотация. Проблема межэтнических отношений в XIX в. находилась в центре внимания российской общественности. Изучение, обсуждение подобного рода вопросов требовали соответствующего метаязыка, что обусловило появление новых языковых средств и новых приемов. Огромную роль в этом процессе играла публицистика. В настоящей статье характеризуются некоторые особенности идиостиля И.С. Аксакова, связанные с одной из важных тем его публикаций — национальным вопросом. Его вклад в формирование соответствующего метаязыка трудно переоценить.

Ключевые слова: русский язык, русский язык XIX века, публицистика XIX века, межэтнические отношения, И.С. Аксаков

Summary. The problem of interethnic relations was in the center of attention of the Russian public in the 19th century. The study and discussion of such issues required an appropriate metalanguage, which led to the emergence of new linguistic means. Publicism played a huge role in this process. The article describes some of the I.S. Aksakov's features of writing, connected with one of the important topics of his publications – the national question. His contribution to the metalanguage formation can hardly be overestimated.

Keywords: Russian language, the 19th century Russian language, the 19th century publicism, interethnic relations, I.S. Aksakov

Россия представляла и представляет собой государство, характерной особенностью которого является ярко выраженное этническое разнообразие. В процессе развития контактов между людьми разной этнической принадлежности возникают такие общественные отношения, которые определяются как межэтнические (межнациональные) отношения. Внешние (экономические, политические, религиозные, культурные) и внутренние (психологические) противоречия/препятствия обычно затрудняют данные отношения. Комплекс подобных проблем получил в терминологии общественных наук название «национальный вопрос».

«Если в сфере политических вопросов новое время выставило на очередь вопрос по-истине новый, то таким следует признать национальный вопрос²», — утверждал историк, социолог и общественный деятель М.М. Ковалевский в сво-

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00413 «Русский язык в медиапространстве XIX века».

² Все примеры из дореформенных изданий в настоящей статье приводятся с изъятием ера, заменой ъ на е, і на и, орфография и пунктуация источников сохранена.

ей статье «Национальный вопрос в Старом и Новом Свете»³ [Ковалевский 1885: 677]. «Наш язык принимает правильное решение. Ведь он предназначен для выражения нашего повседневного практического общения с вещами. Он делает все, чтобы нам легче было ориентироваться в окружающей нас обыденной действительности» [Радбиль 2017: 558], следовательно, языковая концептуализация мира не может обойти вопрос, как было образно определено, «национальных страстей» [Ковалевский 1885: 684], реализуясь, в первую очередь, в определенных языковых средствах. Объективное и комплексное выявление новых единиц и тенденций в развитии русского языка Нового времени в аспекте межэтнических отношений представляет собой сложную исследовательскую задачу, решаемую в несколько этапов. Некоторые предварительные результаты подобного исследования будут представлены в настоящей статье.

«...Общественно-политическая мысль акцентируется на взаимоотношениях государства и личности, государства и различных общностей, проживающих на его территории. Актором общественно-политической мысли выступает российская интеллектуальная элита. Будучи производной от общественного сознания, общественно-политическая мысль реализуется в системе теоретических идей и концепций, направленных на оптимизацию государственного устройства России с учетом его полиэтничности и выстраивание определенного, закрепленного в правовой системе формата межнациональных отношений» [Кудряшев 2013: 5]. Ярким представителем российской интеллектуальной элиты XIX в. является И.С. Аксаков, публицист и общественный деятель. Публицистика в России XIX в. при отсутствии социальных институтов, обеспечивающих наличие собственно политической жизни, была единственной трибуной выражения общественно-политических взглядов и идейной борьбы. Роль И.С. Аксакова в публицистическом процессе 2-й половины XIX в. трудно переоценить [см., напр.: Китаев 1974; Цимбаев 1978; Тесля 2013].

Проблема межэтнических отношений, которая получила емкую и типичную для описания разного рода конфликтов языковую форму — *национальный вопрос*, была одной из центральных тем публикаций И.С. Аксакова [Тесля 2013]. Полного и вербально отточенного определения понятия *национальный вопрос*⁴ еще не было в российских общественных науках, тем не менее его содержание понимается верно теми, кто обращается к этой проблеме: «Никогда еще, ни в древности, ни в средние века, национальность не являлась ни цементом, соединяющим во-едино историей разрозненные народности, ни реагентом, которым искусственно созданные политические конгломераты разлагались бы

---

³ На примере европейских стран и Америки автор анализирует особенности взаимоотношений различных этносов в рамках одного государства и затрагивает сложный вопрос поиска путей для взаимного сотрудничества и бесконфликтного взаимодействия этноконфессиональных групп.

⁴ Ср. «Национальный вопрос — совокупность политических, экономических, правовых, идеологических, религиозных и др. проблем, проявляющихся в процессе внутригосударственного и межгосударственного общения между нациями и народностями. Национальный вопрос — это всегда вопрос о характере отношений между нациями и народностями, о причинах недоверия, вражды, конфликтов между нациями, нациями и системой государственной власти и способах их преодоления. Национальный вопрос выступает как одна из самых острых мировых проблем» [Лопухов 2013: 240].

на их составные части», — утверждал М.М. Ковалевский [Ковалевский 1885: 677–678].

1. Широкое развертывание средств массовой информации в российском социальном пространстве XIX в. способствовало тому, что они оказывались средоточием процессов, происходящих в языке, часто активизируя эти процессы, благодаря чему обогащался лексический состав языка и расширялись привычные рамки сложившейся языковой системы.

1.1. Исследователями синтаксического строя русского языка давно отмечалась одна особенность подчинительных словосочетаний со связью согласование: «Словосочетания типа *весенняя погода* могут заменять и более сложные по своей структуре образования, в том числе и описательные обороты (ср. *германский вопрос, русский вопрос* и т. д., заменяющие предложно-именные конструкции с предлогом *о*). Такого рода словосочетания были распространены и в XIX в.» [Ахманова и др. 1960: 39]. Приведенные в цитате примеры со всей очевидностью указывают на типичную модель для описания межэтнических отношений, когда прилагательное представляет собой производное от этнонима/топонима.

В публицистических статьях И.С. Аксакова по межнациональным отношениям подобные сочетания используются регулярно как в текстах: *Польский вопрос принадлежит именно к таким вопросам, которых решение не может зависеть от одних административных соображений* [Аксаков 3: 117], *Еврейский вопрос в России — вопрос великой важности..* [Там же: 764], так и в заголовках публикаций: *Обязанности общества в Польском вопросе* [Там же: 150]. Анализ подобных сочетаний позволил выявить некоторые особенности их употребления известным российским публицистом.

Сам характер сочетаний указывает на возможную относительность соответствующих номинаций (которую вместе с тем следует толковать как многозначность понятия, названного словосочетанием). Неслучайно такие широко распространенные преобразования многословных описательных оборотов в универбированную адекватную форму назывались «особое относительное прилагательное» [Аспекты 1980: 127]. Подобная относительность может быть связана со вторым участником процесса: так И.С. Аксаков указывает, что польский вопрос для европейских государств должен трактоваться как территориальная проблема, связанная с польскими землями (Краков, Познань), отошедшими Австрии и Пруссии, что же касается польского вопроса для России, то это в первую очередь касается западнорусских земель.

Во избежание некорректного толкования понятия писатель неоднократно использует сложное прилагательное, указывающее на обоих субъектов: *Читателям «Дня» известно наше мнение о том, как было бы полезно и даже необходимо для разрешения Польско-Русского вопроса услышать голос всей Польской нации..* [Аксаков 3: 86]. Подобное употребление позволяет автору точно указывать на предмет своего высказывания, как, например, в комментариях по славянскому вопросу, приведенных далее: *Всякия сделки с Германским миром для решения русско-славянского вопроса противоестественны и гибельны.*

[Аксаков 1: 791]; *Европа уже успела после Восточной войны связать нам руки для действия в Турецко-Славянском вопросе..* [Аксаков 3: 124].

Не останавливаясь подробно на содержательной стороне понятий, выраженных подобными словосочетаниями (что составляет предмет обществоведческих наук), укажем лишь еще раз на их компрессионный характер, позволяющий избегать многословных толкований, в которые должны были бы быть включены самые разные аспекты проблемы, ср.: «*День*» уже не однажды касался именно этой <о понимании народности>, не **политической**, а **общественной стороны польско-Русского вопроса** [Аксаков 3: 38].

1.2. В лексике русского языка XIX в. происходит интенсивное развитие тематической группы, связанной с этническими вопросами. По преимуществу такие языковые единицы являются производными от названия этноса. Сразу отметим, что в публицистике И.С. Аксакова представлены и широко используются все типы отэтнонимной лексики, которые возникли в русском языке рассматриваемой эпохи.

1.2.1. Глаголы в личной и причастной формах.

В словопроизводстве рассматриваемого периода необычайной активностью отличается префиксально-суффиксальная словообразовательная модель для образования переходных и непереходных глаголов от имени существительного — этнонима. Подавляющее большинство глаголов образуется с помощью приставки *о-*(*об-*): *немец* → *онем(е)чить*, *русский* → *обрусеть*, *финн* → *офиннить*, *якут* → *объякутить* и под. Среди глаголов с указанной приставкой еще больше дериватов следующего порядка — образований с постфиксом *-ся*: *огерманить* → *огерманиться*, *омадьярить* → *омадьяриться* и под. В соответствии с семантикой приставки все они имеют значение ‘превращения в кого-, что-л., придание каких-л. свойств, качеств, становление каким-л. (в результате действия)’: *..аристократия <в Славянских землях> давно **онемечилась** и **объавстрилась*** [Аксаков 3: 43]; *..Еврей вполне **обрусееет**, когда отстанет от еврейства, продолжая в нем оставаться..* [Там же: 430].

В «Толковом словаре» В.И. Даля новые отэтнонимные глаголы толкуются следующим образом: *ополячить* — ‘сделать поляком’ (Даль 2: 1259). Такое значение является семантической новацией XIX века: почти до середины столетия лексикографические источники фиксируют только старое значение, связанное с манерой произношения, изменением слов на иностранный лад.

Наименее употребительной является личная форма переходного глагола [Старовойтова 2016: 74–75], которая указывает на принудительный характер действия: *..Царство Польское, отделенное от России, может подвергнуться не только всем случайностям анархии, но и иноземному владычеству, т. е. Пруссии или Австрии, готовых поделить его между собою и **онемечить** его так, как **онемечена** Познанская область..* [Аксаков 3: 31] Обычно эта форма встречается в контактном употреблении с другими лексемами или устойчивыми сочетаниями с негативной семантикой, в примере выше — *поделить его <Царство Польское> между собою и **онемечить***. Представляется, что в целом метаязык социологии и политики избегает резких формулировок в описании сложного и деликатного вопроса этновлияния, в случае же использования лич-

ной формы правомерность ее появления как раз и подтверждается соответствующим лексическим сопровождением.

В функции сенсбилизатора, усиливающей языковую прагмему, может выступать и отэтнотонимная лексика; в следующем примере переходный глагол *обрусить* усиливается словосочетанием *полнейшее обрусение*, указывающим на тотальный характер процесса: *Чтобы **обрусить** край, вовсе нет надобности, по мнению газеты <«Виленский Вестник»>, затрогивать вопросы об особенном значении, которое имеют там еврейство и католичество; обрусение, и притом **обрусение полнейшее**, может быть достигнуто и без этого* [Аксаков 3: 417].

Самой частотной глагольной формой следует считать страдательное причастие прошедшего времени, констатирующее уже осуществленное действие: *..простой народ <...> хранит в себе залог возрождения и возможность образовать новое народное общество в замен **ополяченного*** [Аксаков 3: 43].

Словоупотребление И.С. Аксакова, отмеченное в статьях по вопросам межэтнических отношений, полностью подтверждает обнаруженные ранее закономерности в употреблении глагольных форм.

1.2.2. Отглагольные существительные (девербативы).

Девербативы, мотивированные отэтнотонимными глаголами, в XIX в. активно пополняли лексический состав языка в связи с развитием системы стилей и с назревшей необходимостью создания «метафорического» языка. Наиболее распространены при описании межэтнических отношений девербативы, образованные с помощью суффикса *-(е)ни/ье*: *Впоследствии, при Александре I, Россия спасла часть этих коренных Польских земель от **онемечения**..* [Аксаков 3: 137]; *Нельзя пожаловаться, чтобы прошедшее царствование небрегло **об обрусении**..* [Там же: 442].

По мнению Ю.С. Сорокина, «возникновение и закрепление в языке ряда существительных на *-ние* было связано <...> с потребностью в новых терминологически определенных словах. Представляющие действие как «предмет», они легко становились исходными, в понятийном отношении строго очерченными определениями явлений и процессов, природных и социальных» [Сорокин 1965: 212]. Что касается подобных девербативов с корнем-этнотонимом, то они принадлежат к группе единиц, свободно порождаемых в тексте на определенную тему благодаря выполняемой ими конструктивной функции. Сложность семантизации мотивирующего отэтнотонимного глагола [см., напр., Старовойтова 2017:] обуславливает и сложность в интерпретации соответствующего девербатива. В случае использования его пишущий должен определенным образом указать на содержание понятия, ср. в употреблении И.С. Аксакова: *Мы оставляем до другого раза ближайшее рассмотрение — в какой мере и постепенности находится **ополячение** и следовательно **господство Польского элемента** в девяти губерниях, присоединенных к нам от Польши..* [Аксаков 3: 43], когда *ополячение* трактуется как количественное преобладание представителей определенного этноса на конкретной территории.

Вступая в полемику с одной из газет в 1867 г., И.С. Аксаков справедливо указывает, что ведение дискуссии без определения содержания понятия (*не*

успела высказаться, в чем состоит обрусение) бессмысленно, и отчетливо эксплицирует свою точку зрения: Редакция «Виленского Вестника» не успела еще высказаться подробно, в чем состоит, по ее мнению, обрусение, <...> **обрусение должно состоять** действительно, между прочим, **в распространении русского языка**; должно, или по крайней мере может состоять в распространении **известных вкусов, привычек, воззрений** [Аксаков 3: 441].

Думается, что наибольшую степень терминологизации девербативы приобретают в складывающихся сочетаниях слов (формулах), представляющих особенность метаязыка политики и социологии, см. у Аксакова: *план обрусения, средство к действительному и успешному обрусению края* [Аксаков 3: 418], *дело обрусения* [Там же: 456] и нек. др.

Синкретичный характер девербатива (обозначает и процесс, и результат; может быть мотивирован одновременно глаголом с постфиксом *-ся* и без него [Русская 1980: 160]) дает широкие возможности для его употребления, в т. ч. стилистические: *..еслибы город Опочку сделать административным центром для всего Царства Польскаго, то можно бы опасаться, что в таком случае неравномерность значения центра со значением окружности способствовала бы скорее **ополячению** Опочки, чем **обрусению** так-называемой Конгрессувки*⁵ [Аксаков 3: 434]. В приведенном примере сочетание *ополячение Опочки*, по-видимому, представляет собой элемент языковой игры, основанной на сходстве звучания слов *ополячение* и *Опочка* и иронии, создаваемой за счет выбора небольшого города Опочка в качестве предполагаемого значимого административного центра⁶.

Употребление в тексте девербатива вместе с контекстуальным синонимом может эксплицировать авторскую позицию в отношении происходящих процессов и их оценку: *..Польская народность является в них <жителях Западно-Русского края>, в общественной среде, как **ополячение** <выделено автором текста — О. С.>, следовательно как уклонение от основнаго народного типа, т. е. как измена своей народности* [Аксаков 3: 41]. Ряд *ополячение* — уклонение — *измена своей народности* в примере выше представляет собой восходящую градацию, где первый член ряда — девербатив с корнем-этнонимом, а последний член ряда определяет авторскую оценку описываемого явления (*измена своей народности*).

Более ярко выраженный литературно-книжный характер, чем у образований с суффиксом *-ние*, имеют функционально близкие им девербативы с суффиксом *-ация* (*-изация*), генетически связанные с глаголами, имеющими суффиксы *-изова-* (*-изирова-*). В текстах И.С. Аксакова подобные лексемы малоупотребительны.

В русском литературном языке XIX века в процессе образования девербативов для описания межэтнических вопросов возникает определенная избыточность языковых средств: *омадьярение — мадьяризация, οποлячение — полони-*

⁵ Конгрессовка (или на польский манер Конгрессувка) — так «называют Поляки Царство <Польское>, — утвержденное в этом звании Венским конгрессом» [Аксаков 3: 137].

⁶ Возможно, в данном случае Опочка используется как прецедентное имя: известно, что этот городок посетил А.С. Пушкин во время пребывания в ссылке в Михайловском. О плохих дорогах в тех местах он упоминает в письме А.Н. Вульффу от 10 октября 1825 г.

зация, отатарение — татаризация и под. Наличие вариантов наименований для одного элемента смысла дает пишущему возможность выразить свои коммуникативные намерения с целью моделирования отношения читающего к предмету речи. Выскажем предположение, что именно славянофильская ориентация И.С. Аксакова проявилась в предпочтении использования более «русских» девербатов — *ополячение*, а не *полонизация*.

Особого комментария, по нашему мнению, требует использование И.С. Аксаковым лексемы *германизация*: *Очевидно, что германизация наших западных окраин с одной стороны, с другой — оттеснение Австрии туда, за Дунай и Саву — составляют задачу современной германской политики...* [Аксаков 1: 791]

Дело в том, что славянский вопрос⁷, который составляет предмет многих его публикаций, немыслим без оппозиции славянское/германское: *В Пруссии едва ли вы найдете хоть одного Пруссака, котораго совесть сколько бы нибудь смущалась отношениями Пруссии к Познани, в которой германизация, по свидетельству самих Поляков, с искусством необыкновенным, не Русским (такое не искусство приносит нам честь), почти пересилила Польскую национальность* [Аксаков 3: 6]. В русско-славянской исторической традиции сложилось определенное устойчивое мнение о германцах (немцах). Характеризуя их отношение к национальному вопросу, известный социолог А.И. Стронин описывает это так: «страсть непременно германизировать, непременно уподоблять себе всякое свое присоединение ..., и неуменье в тоже время сохранять соединения без этого условия и с предоставлением каждому своей оригинальности, (столь необходимым в наши времена)..» [Стронин 1872: 378]. Упомянутая *страсть германизировать* нашла свое вербальное воплощение в лексеме *германизация*, имеющей почти терминологический характер и указывающей на настойчивое и неизменное стремление «обезличить побежденных» [Там же: 379]. И.С. Аксаков употребляет это слово строго в соответствии со сложившейся традицией, в некоторых случаях усиливая его метафорическими сочетаниями, например, *стирать во прах*, которое подтверждает неизбежность и силу германского влияния (скорее даже насилие, непременно в подобном случае): *«Падая до ног», стираясь во прах пред надвигающею силой германизации на западе своих поселений, Поляки хотят питаться на востоке плотью и кровью русскаго человека* [Аксаков 3: 437].

1.2.3. Имена существительные, мотивированные этнонимом / отэтнонимной лексемой.

В статьях И.С. Аксакова по различным национальным вопросам — славянскому, польскому, прибалтийскому, еврейскому и др. — представлены примеры всех типов имен существительных, образованных непосредственно от этнонима или от его деривата; они называют субъект и объект межнациональных

---

⁷ Славянский вопрос в XIX в. приобретает особую остроту: в середине века достигло определенной политической зрелости национальное движение славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы, на рубеже XIX–XX вв. укрепилось стремление славянских народов защитить свои экономические и политические интересы, объединить усилия для отпора германской и венгерской экспансии в области экономики, политики, культуры, языка. Славянский вопрос постоянно обсуждался в прессе, монографических исследованиях и публичных выступлениях. Ему целиком посвящен 1-й том полного собрания сочинений в 7 т. И.С. Аксакова.

отношений (*еврейство, славянство, полонизатор* и др.), движения определенного национального толка (*еврейство, германизм, полонизм* и др.), их сторонников (*украинофил* и др.) и приверженность им (*украинофильство, французомафия* и др.). Эти имена образованы по типичным словообразовательным моделям, представляя в т. ч. словообразовательную омонимию одноструктурных образований (с суффиксами *-изм* и *-ство*), ср. *еврейство* ‘система взглядов’ и ‘группа людей одной национальности’: *Еврейство в пределах Русской Империи, это — наследие наше от Польши, это — польский «правовой порядок», однозначный с безправностью крестьянского населения — презренного хлопа* <слово выделено автором текста — О. С.> [Аксаков 3: 739]; *..статистические данные о численности Евреев в России совершенно неверны <...>. / Было бы несправедливо винить в том несовершенство наших статистических приемов или полицию: это организованный обман всего Еврейства, подчиненного строгой внутренней дисциплине..* [Там же: 742–743].

Ниже приведем случаи наиболее ярких словоупотреблений имен существительных в текстах И.С. Аксакова, выбор и употребление которые характеризуют его языковую личность.

1.2.3.1. Тевтонизм. В русском языке первой половины XIX в. слово *тевтонизм* использовалось для обозначения системы общественных и — чаще — эстетических взглядов: *На этот раз упоминаем о двух книгах, которые, хоть и не написаны с этою <чисто или относительно литературною> целью, но приносят дань моде на «тевтонизм», начинающейся теперь во Франции. С некоторого времени, во Франции стали много писать о той таинственной стране, из которой получают эстетику, символика, мифология и другие «германизмы», как выразился недавно «Journal des Débats»* [Липперт 1842: 17].

Когда речь шла об эстетике, в качестве синонима рассматриваемого слова выступал *готизм* (неоднократно встречается у А.И. Герцена): *Готизм или тевтонизм имеет какое-то сродство с духом Мавританским. Но в одном мысль аскетическая и религиозная; в другом — жизнь разгульная, роскошная. Там, — поэзия молитвы, тут — поэзия жизни* [Герцен 1905: 20]. В таком употреблении *тевтонизм* мог сочетаться с прилагательным *романтический*.

С точки зрения общественно-политической тевтонизм рассматривался как система взглядов и общественное устройство националистического толка, неслучайно его сравнивали со славянофильством: *Приговор его <Губера> славянофилам несколько строг и односторонен. С одной стороны, он очень справедливо сравнивает славянофильскую партию в России с романтической партией в Германии, стоявшей за средние века и тевтонизм и ненавидевшей Францию и все французское; кроме ратования за мертвое начало, между обеими этими партиями, русскою и немецкою, есть еще то общее, что они не имеют важного значения вне литературного, книжного мира* [Белинский 1893: 295]. Как явствует из приведенного высказывания, тевтонизм воспринимался как умозрительное явление — *существует в литературном, книжном мире*. Важно отметить, что и в таком употреблении пишущие указывали на отличительную особенность данного феномена — грубость, жестокость, неукротимость: *..явился новый элемент, также не христианский, элемент тевтонизма,*

народного духа *диких* полчищ, *страшных* в невинной *кроважидности* своей, в своей скитающейся *неутомимости*.. [Герцен 1875: 203].

В текстах И.С. Аксакова, посвященных межнациональным отношениям, эта лексема приобретает негативную оценочность, поскольку наряду со словами с корнем *герман-* (*германизм, германизация*) она обозначает уже указанную выше особенность германцев — стремление к завоеванию, подчинению, порабощению: *стремления Чешского народа к самостоятельности и независимости от тевтонизма* [Аксаков 3: 19]. Иногда публицист употребляет оба слова контактно: *Германизм, тевтонизм... В самом деле, что это за страшный зверь, перед которым не стыдятся обнаружить свою трусость самые отчаянные Польские смельчаки?..* [Аксаков 2: 90], иногда представляет их как синонимы: *..«германизм» или «тевтонизм» является в глазах Русских и Польских патриотов — «яко лев рыкаяй, иский кого поглотити»* [Аксаков 2: 89]. Таким образом, *тевтонизм*, так же, как и *германизм*, становится своеобразным маркером социально-политического дискурса, причем с соответствующей коннотацией (подчеркиваемой контактным употреблением с лексемами «звериного спектра»).

И.С. Аксаков, рассуждая об отношениях германцев с другими этносами, дает интересное обоснование, которое может объяснить появление подобной отрицательной коннотации у рассматриваемой лексемы. Ассоциативно *тевтонизм* в первую очередь связывается с рыцарством, а рыцарство, по Аксакову, исключает самое главное — уважительное отношение к народу: *..мы представляли Немцам <...> считать «рыцарство» за идеал нравственной правды. <...> Что же такое рыцарство в нравственном смысле? Это красивое употребление грубой силы по самым узким, условным понятиям о чести, вместе с грубейшим презрением к простому народу. Благородный рыцарь не признавал за простым народом никаких прав на самостоятельное гражданское и даже на человеческое бытие..* [Аксаков 3: 129]. Логически выстраиваемая последовательность *рыцарство — грубейший — презрение — народ* объясняет формирование отрицательной коннотации у лексемы *тевтонизм*, в которой актуализируется весь негативный культурно-исторический опыт, связанный с рыцарями: *Тевтонизм, покусившись на дело порабощения литовских и чудских племен, встретил на полстолетие себе препятствие в северном славянстве Новгорода и Пскова* [Костомаров 1863: 354].

Подобное употребление закрепляется в языке последней трети XIX века и подтверждается соответствующей сочетаемостью: *тевтонизм наглый, напирющий, наступающий* и в то же время по-немецки *дальновидный и расчетливый*.

1.2.3.2. Полонизатор. Тематическая группа имен существительных, обозначающих лиц, связанных с этносоциальными процессами, разнообразна по содержанию (представители определенных учений националистического толка, сторонники общественно-политических направлений, непосредственные участники межэтнических процессов) и вариативности словообразовательных моделей, использованных при образовании таких единиц. Среди типичных и не слишком многочисленных номинаций, используемых И.С. Аксаковым, обраща-

ет на себя внимание лексема *полонизатор*: *полонизаторы русских Галичан* [Аксаков 3: 437].

Согласно законам русского языка она связана словообразовательными отношениями с глаголом *полонизировать*⁸, однако именно этот глагол не свойствен языку произведений И.С. Аксакова, предпочитающего образованный с помощью исконно славянских морфем глагол *ополячить*. Таким образом, в идиолекте философа и публициста наблюдаются определенные лакуны: *полонизатор* ← (*полонизировать*) и *<...> ('тот, кто ополячивает') ← *ополячить/ополячивать*. Следовательно, связь употребляемых лексем осуществляется не формально-словообразовательно, а семантически: *полонизатор* ← *ополячить/ополячивать*. Подобная «непоследовательность» может быть объяснена отсутствием слова в системе языка, например в силу его неблагозвучности (*ополячитель), но в таком случае Аксаков мог бы использовать иные возможности для номинации лица, например, форму действительного причастия или описательную конструкцию. Выскажем предположение, что лексема *полонизатор* вписывается в ценностную систему, отражающуюся в языке славянофила Аксакова, благодаря двум обстоятельствам: во-первых, сходству с созвучным (по корню) словом *полонизм* и близким понятием «полонизм», которым автор пользуется очень активно и, как видно из приведенных ниже примеров, с определенным отношением (ср. названия нескольких статей: *Наше спасение против полонизма в народности* [Аксаков 3: 93]; *Нам враг не Польша, а полонизм* [Там же: 227]; *Как бороться нам с полонизмом* [Там же: 237], а во-вторых, звуковому сходству (по аффиксальной морфеме) с другим словом, концептуально соотносящимся с анализируемым, — *колонизатор*. Негативная оценочность анализируемой лексемы, таким образом, коррелирует с позицией Аксакова в польском (польско-русском) вопросе.

Подтверждает негативную оценочность лексемы еще один контекст, хронологически, концептуально, эмоционально и даже стилистически близкий статьям Аксакова: *Увлекая своими утонченно-благовоспитанными инстинктами, «Весть» например однажды изъяснила, что она «образованного польского помещика предпочитает белорусскому крестьянину-неучу». <...> Кого предпочитает, и с тем, пожалуй и целуйся; но, если дело идет о том, чтобы извлечь забитаго неуча из-под гнета разных цивилизаторов и полонизаторов, о том чтобы целому обезличенному краю, возратить его природную физиономию, <...> — то тут уж пускай она со своими личными предпочтениями подвинется в сторону, потому что дело слишком важное..* [Наши 1864: 8–9]. *Полонизаторы* здесь рифмуются с *цивилизаторы*, белорусский крестьянин находится под их *гнетом*, дело настолько важно, что газета «Весть» должна подвинуться в

---

⁸ Активность употребления указанного глагола повышается к концу века. По-видимому, это связано с более книжной его формой по сравнению с *ополячить*: они <важные и влиятельные лица, принимавшие участие в тайных обществах в эпоху раздела Польши> мечтали *полонизировать* весь западно-русский край, т. е. *заглушить* в нем *русскую национальность* [Григорович 1892: 162]. Отрицательная же его оценочность сохраняется, несмотря на ослабевание интереса к польскому вопросу начиная с 1870-х гг.

сторону *со своими личными предпочтениями*. Все это дает основание предположить употребление лексемы с оттенком неодобрения.

1.2.3.3. Русяндия, русяндцы.

«Всякое счастливое новое слово, сильно и живо изображающее новую мысль, есть такое же откровение, как и сама мысль», — утверждал В.А. Жуковский [Жуковский 2016: 454]. Слова, о которых пойдет речь в данном разделе, вряд ли можно назвать счастливыми в полном смысле этого слова, однако их появление действительно сильно и живо отражало мысли и представления определенной группы лиц. Сам И.С. Аксаков указывал на то, что своим изобретением базовая лексема *Русяндия* обязана его брату Константину: *Но когда мы говорим «Россия», мы разумеем, конечно, не одну официальную Россию, и не Русяндию (выражение К.С. Аксакова <выделено нами — О. С.>, принятое нами для обозначения всех не-Русских элементов, действующих под именем и во имя официальной России); мы разумеем Россию, ставшую наконец самой-собою, Россию народную* [Аксаков 3: 118]. Придуманый и в дальнейшем ставший излюбленным и ходовым у славянофилов термин *Русяндия* для обозначения послепетровской России и части российского общества, ратовавшего за европеизацию, (наряду с дериватами) был хорошо известен современникам. Так, в 1864 г. А.И. Герцен писал в «Колоколе»: «“День” сохраняет обычный жаргон «московского фрондера», называя официальную Россию “Rußland”» [Герцен 1959: 214]. В статье «Наша общественная жизнь» М.Е. Салтыков-Щедрин замечает, что газета «День» «для объяснения своей теории народности, имеет право употреблять фигуру Русяндии» [Салтыков-Щедрин 1968: 116]. Писатель даже использует собственный неологизм, образованный от анализируемого слова по типичной словообразовательной модели: *Один обрусляндевший славянофил доказывал: вот я теперь соединился с Русяндией, а место мое в рядах славянофилов и до сих пор числится вакантным!* [Там же: 170] Подобный факт словообразования вне всякого сомнения свидетельствует о значимости в определенный исторический момент в языке и менталитете базового (мотивирующего) слова, о его роли в процессе метаязыковой рефлексии.

Реакцию современников на эти новые аксаковские слова можно проиллюстрировать цитатой из «Современного обозрения» журнала «Современник», где номинация *русяндцы* называется остроумным прозвищем: *Народ противопоставляется «обществу», испорченному тем самым, что оно оторвалось от почвы; по общественному положению, народ — низшие классы нации. Публицист «Дня» ведет это различие двух отдельных элементов русской нации так далеко, что люди общества, испорченные западной цивилизацией (а кто же у нас неиспорчен?), получили даже **остроумное прозвище русяндцев*** [б/а 1863: 230]. Продолжение приведенной цитаты указывает на то, что автор использует ее как характеристику подверженных влиянию западной цивилизации людей безоценочно, поскольку для него европеизм и народность — в отличие от Аксакова и других славянофилов — не исключают друг друга: *Прежде всего мы полагаем, что «День» и здесь преувеличил дело: между русяндцами есть много людей, во первых, нисколько не думавших отделяться от народа и*

столько же *считающих себя настоящими русскими*, сколько считает себя г. Аксаков.. [Там же].

Что касается использования таких лексем в текстах по проблемам межэтнических отношений, то здесь наблюдается интересная закономерность: русляндцы, несмотря на их ориентацию на европейцев, противопоставляются немцам: *..мы и должны явиться и быть вполне Русскими, вполне народными, — иначе мы погибнем... Не Немцы и не Русляндцы, не Немецкий и не Русляндский наряд спасут Россию <в борьбе с Западом>: наше спасение в народе и в народности* [Аксаков 3: 97], т. е. идеология германизма выступает как синонимичная тевтонизму (см. выше) и на этом основании противопоставлена европеизму (т. е. ориентации на европейскую культуру). Несмотря на такое противопоставление, оба течения в аспекте *борьбы всего Славянского мира с миром Латино-Германским* [Там же: 125] оказываются серьезной идеологической угрозой.

1.2.2. Этническая идентичность (или национальное самосознание), будучи сложным социально-психологическим феноменом, питается разными источниками и опирается на накопленные этносом духовные идеалы — от религиозных до социальных. Любая этническая группа, таким образом, может рассматриваться как этноконфессиональная, а национальный вопрос тесно связан с «вероисповедным вопросом» [Аксаков 3: 439]. Современные исследователи указывают, что славянофилы определяли язык, систему духовных ценностей и религию как этнические маркеры [Кудряшев 2013: 41]. На примере творчества И.С. Аксакова можно получить неоспоримое тому свидетельство. Какой бы этнический вопрос он ни рассматривал — польский, еврейский, славянский, — вероисповедание оказывалось ключевым моментом: этническая группа становилась символом определенной конфессии. Многочисленные примеры из текстов Аксакова указывают на это: *..Поляки хотят часть России лишить Русской народности и веры, окатоличить и ополячить..* [Аксаков 3: 133]; *Католицизм – самое могучее средство ополячения* [Там же: 463]; *..Русский и православный доселе там <в западных губерниях> синонимы..* [Там же: 425]; *..еврейство есть собственно не вероисповедание, а национальности и государственное законодательство, подбитыя религиозною верою..* [Там же: 427].

Подобная точка зрения в языковом отношении реализуется в многочисленных случаях контактного употребления пары лексем, одна из которых является производной от этнонима, а другая — от названия конфессии: *Единственным нравственным основанием для своих притязаний, предъявляют Поляки ополячение и окатоличение всего образованного общества <западнорусских земель>..* [Аксаков 3: 43]; *..Поляки основывают свои права на том, что дворянство в этих землях окатоличилось и ополячилось..* [Там же: 130]; *..знание латинских букв уже пролагает торную дорожку к дальнейшему сближению с латинством и полонизмом.* [Там же: 114]; *Одним словом, нашим предкам удалось оправославить и ославянить или обрусить более двух третей пространства, называемаго ныне Европейской Россией, которая не были ни русскими, ни тем менее православными...* [Аксаков 2: 799]. Как видно из примеров, эта

особенность может быть представлена всеми грамматическими разрядами отэтнонимной лексики.

1.3. Европа XIX в. представляла собой один из важнейших геополитических регионов мира, характеризующийся высокой интенсивностью политических, экономических и культурных связей. Функционирование на этом пространстве объединений людей: этносы, государства, империи — порождали различные межэтнические проблемы, ставшие предметом серьезного обсуждения в российском обществе. Как правило, общественные дискуссии велись по проблемам отдельных национальных регионов или взаимоотношения русского народа с одним из народов Российской империи. Участники этого процесса могли иметь собственное видение проблемы. Автор-публицист всегда актуализировал в тексте ценностное пространство своей языковой личности, поэтому важно проследить, какие языковые средства использовались им для реализации такой задачи.

Один из выводов, сделанный в результате изучения взглядов на общественные процессы прошлого, гласит: «В XIX веке в цивилизационной теории господствуют префигурации, основанные на метафорах организма и механизма, соответственно “органицизм” и “механицизм”» [Касимов 2019: 12]. Обсуждение И.С. Аксаковым польского и славянского вопросов на страницах газет отчетливо демонстрирует приверженность определенному образу: через его тексты красной нитью проходит метафора тела, организма: *цельное органическое тело Польской народности* [Аксаков 3: 35]; *Часть Русскаго тела была связана и перевязана Польшей* [Там же: 133]; *..необходимо нужно скорейшее укрепление всего нашего народного организма, восстановление его цельности...* [Там же: 52]; *..в правильном, сложившемся политическом организме, общество без государства и государство без общества также немислимы как в живом человеческом теле жизнь организма без внешнего органического покрова, или жизнь внешнего покрова с бездействием внутренних органических отправления* [Там же: 117].

Органицистские воззрения были распространены среди российских социальных философов, к которым принадлежал, в частности, цитировавшийся выше А.И. Стронин. Представляется, что в этой плоскости лежат и многие высказывания И.С. Аксакова. Так, цельным организмом он неоднократно называет этнос: *Народ не есть собрание единиц, а живой цельный организм, в котором каждая человеческая единица составляет органическую часть целого. Бытие этого организма немисливо без известного пространства земли..* [Аксаков 3: 88], а также территорию его проживания или государственное образование: *Белая и Малая Русь, Волынь, Подолия связаны с остальной Россиею не одними государственными, но живыми органическими узами, составляют одно цельное тело..* [Там же: 139].

Подобная метафора представляет системное явление для разных языков: «Пожалуй, самое важное открытие современной постструктуральной парадигмы лингвистического знания состоит в том, что язык отражает мир **по образу и подобию человека**. Вещам и явлениям действительности приписываются человеческие свойства, главным образом телесные. Это и грубая проза, но в то же

время и самая настоящая поэзия языка. Это лежит в основе символических и метафорических образов мира, создаваемых разными языками» [Радбиль 2017: 558]. Для нас важно, что такое явление активно используется в русских публицистических (и иногда научных) текстах XIX в. на политические, исторические, социологические темы.

Особо отметим случай плеонастического употребления И.С. Аксаковым лексем *организм* и *тело*: *возрождающийся организм Чешского народного тела* [Аксаков 3: 128]. Вряд ли стоит считать это риторическим приемом, более вероятным представляется, что публицист использует их как близкие, но все-таки разные понятия: *тело* — как более конкретное, узкое, *организм* — как более широкое, по-видимому, включающее не только материальное, но и духовное, эмоциональное, так, например, российский организм испытывает определенные эмоции: *Но Россия <...> — вся, всеми нервами своего организма, почувствовала обиду..* [Там же: 121].

Синонимической заменой *организма* у И.С. Аксакова является словосочетание *органическое целое*. Рассуждая о польском вопросе, он таким образом неоднократно варьирует характеристику Польши: *целый народный самостоятельный организм* [Аксаков 3: 138] — *..настоящая Польша, т. е. то органическое целое, которое, в числе разных народных личностей в человечестве, составляет Польскую народную личность..* [Там же: 33].

Что касается *тела*, то у И.С. Аксакова эта лексема часто сочетается с определением *живое*: *живое тело России* [Аксаков 3: 133]. Представляется, что такое употребление должно подчеркнуть антигуманный и антигуманистический характер разъединительных этнополитических и этносоциальных процессов, реализующихся в единицах метафорического характера типа *перевязать, разрывать на части, отрезать* и т. п., поскольку так нарушается целостность живого тела, затрудняется или прекращается его функционирование: *Малоруссия, Белоруссия, Великоруссия — это уже тело* <выделено автором текста — О. С.>, *одно цельное, неделимое, — и отрывать их друг от друга все равно, что разрывать тело на части; отрезывать от них Киев, или какую бы то ни было населенную Русскую местность — значило бы резать по живому телу* <выделено автором текста — О. С.> [Аксаков 3: 21].

1.3.1. Органицистский характер указанных выше метафор, реализующийся при обсуждении межэтнических вопросов, приводит к появлению целого ряда языковых особенностей, которые можно интерпретировать как составные формирующегося метаязыка соответствующей сферы. В первую очередь речь идет о метафоре болезни, которую И.С. Аксаков использует последовательно и страстно: *..объяснить же его <нашего общества> равнодушие к Славянам очень легко. Это симптом того же общего недуга, который давно разлагает мало-по-малу все наше общественное тело* [Аксаков 1: 10].

В текстах Аксакова по национальному вопросу представлены следующие подгруппы, связанные с метафорой болезни:

– болезнь, недуг, патология, симптом..: *..некоторые из этих членов <Заднепрская Украина и Белоруссия> заражены Польской болезнью — латинством и шляхетством..* [Аксаков 3: 133];

– пятно, рана, язва, язвина..: *Язва на нашем теле* <речь идет о польском вопросе — О.С.>, так долго и мучительно болевшая, исцелилась бы тогда, наконец, совершенно.. [Там же: 11];

– вещества, вызывающие порчу: ..пропитав их <чехов> такую антиславянской Польской *отравой* [Там же: 128]; *еврейский яд* [Там же: 741];

– разнообразные единицы, передающие болезненное состояние: *заражены* Польской болезнью [Там же: 133]; *окалеченный* латинством [Там же: 125]; *разбитый* народный организм [Там же: 141]; *вялый, апатичный* [Там же: 100]; *болезненно-хилыя* [Там же: 52]; *растлевающее состояние* [Там же: 38]; *растление и разложение* всех нравственных сил [Там же: 51] и под.

В данной подгруппе особо следует выделить единицы, называющие психические отклонения: *неисправимое безумие* Польши [Там же: 27].

Рассматривая системные связи переносных значений слова в современном русском языке, В.К. Харченко приводит несколько десятков лексико-семантических групп, одной из которых является «болезнь, больные» [Харченко 2009: 65]. Основное обобщенное переносное значение для слов этой группы исследовательница формулирует как ‘о распространившемся вредном явлении’ и указывает на то, что всем словам группы присуща отрицательная, пейоративная оценка. Отрицательная оценочность присуща всем подобным словоупотреблениям И.С. Аксакова.

«Политически некорректные», данные метафоры являются неотъемлемой частью медиадискурса XIX в. Кроме Аксакова их, например, активно использовали В.Г. Белинский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.Я. Данилевский и др.

1.4. Медиапространство, как известно, предполагает экспликацию авторской позиции, поэтому И.С. Аксаков не ограничивается беспристрастным описанием ситуации: *А как скоро положение это <«Виленского Вестника» о том, что Москва возбуждает религиозное преследование> было высказано, возможно ли было удержаться, чтобы не воскипеть негодованием? Образ мыслей противника так непристоен! Случай к негодованию такой прекрасный!* [Аксаков 3: 440] На его риторику часто обращали внимание современники, один из них величает его *красноречивый публицист «Дня»* [б/а 1863: 229].

Его оценка всегда эксплицирована, причем с использованием лексики, передающей эмоциональное состояние пишущего: *Еврейский вопрос в России — вопрос великой важности, чрезвычайно серьезный, серьезный до трагизма..* [Аксаков 3: 764]; *Но разве вопрос Польский, этот мучительный Польский вопрос, разрешится от того, что Западная держава уклонится от боя?* [Там же: 100–101]; *..наша тяжба с Польшей, <...> где дело идет <...> о жизни и смерти* [Там же: 122]; *Гонение на русскую народность в Галиции достигло крайних пределов* [Там же: 436].

Указания на актуальность и сложность межнациональных отношений даются не только в прямой, часто резкой форме (*..сложный, громадный вопрос о политических правах Русского населения* [Аксаков 3: 18]; *отчаянные украинofilы* [Там же: 131]), но и часто в метафорической, иносказательной: *Всякий в то же время смутно бы надеялся, что последствия войны сами собою **распутают** Польский узел..* [Там же: 101]; <политика европейских стран в отноше-

нии России> *освещает* современный Польский вопрос *ярким историческим светом* [Там же: 125]; *Европа уже успела после Восточной войны связать нам руки для действия в Турецко-Славянском вопросе..* [Там же: 124].

Сам характер выбранных публицистом метафор отражает его позицию в обсуждаемом вопросе и статусно-психологическую роль; так для оценки политических событий в Европе первой половины XIX в., имеющих непосредственное отношение к межэтническим проблемам, он выбирает карточную игру, вновь подчеркивая пренебрежение правителей к народам, которые тасуются в их игре: *Как в карточной игре тасуются масти в колодах, так в первой четверти нынешняго столетия тасовались и народности в той — своего рода карточной политической игре, которая разыгрывалась на знаменитом Венском конгрессе* [Аксаков 3: 16].

Некоторые метафоры по своей стилистике и языковому наполнению близки к художественной и народно-поэтической речи. Отказ от извлечения уроков из Польского восстания 1863–1864 гг. Аксаков оценивает так: *не надумимся, дадим засориться ключам <«громовым ключам» свежей целебной воды>* [Аксаков 3: 111]; попытки обучения русских детей в Галиции родному языку с помощью латинских букв вызывают следующую реакцию публициста: *..галицкие Поляки, давно потеряв отечество, задумали похитить у Русского народа <...> все его молодое поколение — будущий цвет народности и будущия надежды..* [Там же: 437]; говоря о решении Польско-Русской задачи, автор сетует на бездеятельность российского общества, желающего свалить все на правительство: *..общественная среда сама ленится умом и душою, жмурится от света истины и затыкает уши, чтобы не слышать горькаго слова правды..* [Там же: 121].

1.5. Характерной чертой публицистических текстов И.С. Аксакова по межэтническим проблемам является полемичность. Элементы дискуссии присутствуют даже в заголовках статей, которые часто даются в форме риторических фигур (вопросы и восклицания), по своему содержанию представляющих дискуссионные вопросы и суждения, например: *Нам враг не Польша, а полонизм* [Аксаков 3: 227]; *Опасно ли украинофильство для Русского государства* [Там же: 297].

Изложение авторской точки зрения — в духе времени [Кудряшев 2013: 9] — давалось как противопоставление к уже высказанной кем-либо из авторов других статей, идеологических противников: *..по мнению некоторых публицистов, Польский вопрос вовсе даже не головоломка* [Аксаков 3: 140]. Оппонентам, утверждающим простоту разрешения польского вопроса, Аксаков возражал: *..обязанность сыскать разрешение Польскому вопросу — такое, котораго теперь, пожалуй, и не придумать!* [Там же: 101]

1.5.1. Интересный случай отражения полемичности видится нам в следующем случае. Как уже было сказано раньше, словосочетания типа *...ский вопрос* характерны для публицистического дискурса XIX в. Их широкая распространенность и терминологизированный характер обуславливают нормативное написание без кавычек.

В отдельных случаях И.С. Аксаков заключает такие словосочетания в кавычки: *Отыскивая разрешения вопросу с той точки зрения, которую достопочтенный доктор <г-н Ригер> назвал Славянскою, он естественно приходит к сознанию «Малороссийского вопроса»* [Аксаков 3: 131].

Выделение знаком кавычек здесь является графическим вариантом представления метаязыковой рефлексии в отношении чужой точки зрения (поданной в виде чужого слов) и почти явного несогласия с ней (несмотря на многочисленные величания оппонента достопочтенным, многоуважаемым: *..объем его <г-на Ригера> «Малороссийского вопроса» или «спорных Малорусских земель» должен еще значительно сократиться..* [Аксаков 3: 132]. Учитывая функциональную значимость подобных словосочетаний, предположим выразительную значимость такого остранения в тексте. Здесь наблюдается своеобразная энантиосемия графического знака: с одной стороны — указание на чужую речь, а с другой — выражение собственной оценки в отношении конкретного явления. Свое же мнение публицист выражает в т. ч. общепринятым написанием без кавычек: *Наконец, мы должны объявить знаменитому Славянскому деятелю <г-ну Ригеру>, что Малороссийского вопроса для Малороссии вовсе и не существует* [Там же].

***

«Могучий исторический двигатель — идея национальности», — считал И.С. Аксаков [Аксаков 3: 17]. Говоря, например, о Польше, он указывал, что она «..всю силу жизни почерпает из идеи национальности, т. е. национальной свободы, самобытности развития, самостоятельности гражданской и духовной» [Там же]. Актуальные для XIX века и сложные по содержанию межэтнические (межнациональные) отношения не могли не отразиться на процессах, происходивших в русском языке этого периода: появилась новая лексика, ставшая отличительной особенностью социально-политического дискурса, реализовывавшегося в т. ч. в публицистических текстах. И.С. Аксаков — активный участник общественной и медийной деятельности — актуализирует в публикациях свои (и групповые) ценностные установки, а также реализует себя как языковую личность. Точное и осознанное употребление различных лексических единиц, грамматических конструкций и даже графических средств направлено на стремление публициста максимально отчетливо выразить свою позицию по обсуждаемым вопросам. Тон его изложения далеко не всегда был нейтральным, эмоциональная реакция выражалась использованием разнообразных единиц, носящих оценочный характер. На всех языковых уровнях проявляется полемичный характер его текстов, соответствующий прагматическим установкам жанра, проблемному содержанию обсуждаемых вопросов и ярко выраженной позиции пишущего.

Источники

Аксаков 1 — Аксаков И.С. Собр. соч. Славянский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в славянском комитете в 1876, 1877 и 1878. Т. 1. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 791 с.

- Аксаков 2 — Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Т. 2. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 846 с.
- Аксаков 3 — Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Польский вопрос и Западно-Русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Т. 3. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 844 с.
- б/а — <Пыпин А.Н.>. Premiers-Moscou газеты «День» (1863, №39–41) // Современник. 1863. №10 октябрь. С. 217–236.
- Белинский В.Г. Сочинения в 12 ч. Ч. 10. 5-е изд. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1893. 432 с.
- Герцен А.И. Сочинения в 10 т. Т. 1. Genève — Bale — Lyon: H. Georg, libraire-éditeur, 1875. 383 с.
- Герцен А.И. Сочинения А.И. Герцена и переписка с Н.А. Захарьиной в 7 т. Т. 4. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1905. 464 с.
- Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 18. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1864–1865 гг. М.: Изд. АН СССР, 1959. 751 с.
- Григорович И.И. Очерки новейшей истории (1815–1891). 6-е изд. пересмотр., испр. и доп. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1892. 388 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. М.: Общество люб. рос. словесности, 1863–1866. Ч. 2-я. И–О. М., 1865. 725 с.
- Жуковский В. А. Философический язык // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 11. М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. С. 452–473.
- Ковалевский М.М. Национальный вопрос в Старом и Новом Свете // Вестник Европы. 1885. Т. 3, кн. 6. С. 677–731.
- Костомаров Н.И. Севернорусския народоправства во времена Удельно-вечеваго уклада. Т. 1. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1863. 419 с.
- Липперт К. Французская литература // Отечественные записки. 1842. Т. 21. №3. С. 9–20.
- Наши домашние дела // Эпоха. 1864. №8 август. С. 1–28.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 6. Наша общественная жизнь. 1863–1864. Статьи 1863. Журнальная полемика. 1864. М.: Художественная литература, 1968. 740 с.
- Стронин А.И. Политика как наука. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинскаго, 1872. 526 с.

Литература

- Аспекты семантических исследований / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1980. 357 с.
- Ахманова О.С., Бельчиков Ю.А., Веселитский В.В. К вопросу о «правильности» речи // Вопросы языкознания. 1960. №2. С. 35–42.
- Касимов Р.Х. Локальные цивилизации в горизонте языка: метафора и интенциональность: автореф. дис. ... д. филос. н.: 24.00.01. Тюмень, 2019. 43 с.
- Китаев В.А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации (И.С. Аксаков в общественном движении начала 60-х гг. XIX в.). Горький: ГГУ, 1974. 164 с.
- Кудряшев В.Н. Национальный вопрос в общественно-политической мысли России второй половины XIX века: автореф. дис. ... д. ист. н.: 07.00.02. Томск, 2013. 46 с.
- Лопухов А.М. Словарь терминов и понятий по обществознанию. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Айрис-Пресс, 2013. 512 с.
- Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Изд. Дом Яск: Языки слав. культуры, 2017. 592 с.
- Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
- Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90-е годы. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
- Старовойтова О.А. Глаголы в описании межэтнических контактов в русском языке XIX века: становление метаязыка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. №4. С. 73–78.

- Старовойтова О.А. Описание семантики одного подтипа словообразовательной модели (к проблеме метаязыка в историческом словаре) // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. Вып. 2. 2015–2016 годы / Отв. ред. С.С. Волков, Н.В. Карева, Е.М. Матвеев. СПб.: Геликон-Плюс, 2017. С. 136–144.
- Тесля А.А. Иван Аксаков и его роль в истории русского национализма // Вопросы национализма. 2013. №4 (16). С. 196–204.
- Харченко В.К. Переносные значения слова. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 200 с.
- Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978. 264 с.

Старовойтова Ольга Альбертовна, канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра русского языка; доцент; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7-9; наук; Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; ст. науч. сотрудник; e-mail: o.starovoytova@spbu.ru; ostarovo7@rambler.

Для цитирования. Старовойтова О.А. К вопросу о роли языковой личности в становлении метаязыка описания межнациональных отношений в России XIX века (Часть 1. И.С. Аксаков) // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 304–323. DOI 10.30842/26583755202012

References

- Aspekty semanticheskikh issledovaniy [Aspects of semantic research] / Отв. ред. N.D. Arutyunova, A.A. Ufimtseva. Moscow: Nauka Publ., 1980. 357 p. (In Russ.)
- Akhmanova O.S., Bel'chikov Yu.A., Veselitskiy V.V. K voprosu o «pravil'nosti» rechi [On the question of speech “correctness”] // Voprosy yazykoznaniya. 1960. №2. Pp. 35–42. (In Russ.)
- Kasimov R.Kh. Lokal'nye tsivilizatsii v gorizonte yazyka: metafora i intentsional'nost' [Local civilization in the horizon of language: metaphor and intentionality]: avtoref. dis. ... d. filol. n.: 24.00.01. Tyumen', 2019. 43 p. (In Russ.)
- Kitaev V.A. Iz istorii ideynoy bor'by v Rossii v period pervoy revolyutsionnoy situatsii (I.S. Aksakov v obshchestvennom dvizhenii nachala 60-kh gg. XIX v.) [About the history of the ideological struggle in Russia during the 1st revolutionary situation (I.S. Aksakov in the social movement of the early 60s of the 19th century)]. Gor'kiy: GGU Publ., 1974. 164 p. (In Russ.)
- Kudryashev V.N. Natsional'nyy vopros v obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii vtoroy poloviny XIX veka [The national question in the socio-political thought of Russia in the 2nd half of the 19th century]: avtoref. dis. ... d. ist. n.: 07.00.02. Tomsk, 2013. 46 p. (In Russ.)
- Lopukhov A.M. Slovar' terminov i ponyatiy po obshchestvoznaniyu [Dictionary of social science terms and concepts]. 7-e izd., pererab. i dop. Moscow: Ayriss-Press Publ., 2013. 512 p. (In Russ.)
- Radbil' T.B. Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya [Language and the world: paradoxes of mutual reflection]. 2-e izd. Moscow: Izd. Dom Yask Publ.: Yazyki slav. kul'tury, 2017. 592 p. (In Russ.)
- Russkaya grammatika: v 2 t. T. I. [Russian grammar. In 2 vol. Vol. I]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 783 p. (In Russ.)
- Sorokin Yu.S. Razvitie slovnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka 30–90-e gg. XIX v. [The development of the vocabulary of the Russian literary language in 30–90s of the 19th century]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1965. 565 p. (In Russ.)
- Starovoytova O.A. Glagoly v opisaniy mezhethnicheskikh kontaktov v russkom yazyke XIX veka: stanovlenie metayazyka [Verbs in the description of the interethnic contacts in the 19th cen-

ture Russian language: metalanguage formation] // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2016. №4. Pp. 73–78. (In Russ.)

Starovoitova O.A. Opisanie semantiki odnogo podtipa slovoobrazovatel'noy modeli (k probleme metazyka v istoricheskom slovare [Description of one subtype of the derivational model: the problem of metalanguage in the historical dictionary] // Materialy metazykovogo seminar ILI RAN. Vyp. 2. 2015–2016 gody / Otv. red. S.S. Volkov, N.V. Kareva, E.M. Matveev. Saint Petersburg: Gelikon-Plyus Publ., 2017. Pp. 136–144.). (In Russ.)

Teslya A.A. Ivan Aksakov i ego rol' v istorii russkogo natsionalizma [Ivan Aksakov and his role in the history of Russian nationalism] // Voprosy natsionalizma. 2013. №4 (16). Pp. 196–204. (In Russ.)

Kharchenko V.K. Perenosnye znacheniya slova [Figurative meanings of the word]. 2-e izd. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM» Publ., 2009. 200 p. (In Russ.)

Tsimbaev N.I. I.S. Aksakov v obshchestvennoy zhizni poreformennoy Rossii [I.S. Aksakov in the social life of post-reform Russia]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 1978. 264 p. (In Russ.)

Olga A. Starovoitova, PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya nab., 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Senior Research Officer, 9 Turchkov per., Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail address: o.starovoytova@spbu.ru; ostarovo7@rambler.ru

For Citation: Starovoitova O.A. (2020). On the question of a linguistic personality role in the formation of a metalanguage for describing interethnic relations in the 19th century Russia (Part 1. I.S. Aksakov). *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 304–323. DOI 10.30842/26583755202012 (In Russ.)